

В. Зайцев
**Рассказы
о Макаренко**

Издание 2-е, дополненное

Зайцев

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1974

Мурманское книжное издательство, 1969 г.
Мурманское книжное издательство, 1974 г., с изменениями

Десятилетия отделяют нас от того времени, когда замечательный советский педагог А. С. Макаренко завершил свой блестящий педагогический эксперимент в колонии имени Горького и в коммуне имени Дзержинского.

Все более становится очевидным, что А. С. Макаренко, опираясь на учение марксизма-ленинизма, создал одну из первых клеточек коммунистического общества в детском коллективе.

Воспитанники Антона Семеновича и по колонии и по коммуне в один голос заявляют, что они уже жили в условиях коммунистических отношений, где все явственней проявлял свое действие принцип — «от каждого по способностям, каждому по потребности».

Мы живем сейчас в период развернутого строительства коммунизма, впервые решая трудные воспитательные проблемы в масштабе всей страны. Наш опыт, наши достижения имеют исключительно большое значение для всех стран мира. Вот именно этим и объясняется растущий интерес советской и мировой общественности к опыту и теоретическим выводам прославленного советского педагога.

Много времени прошло с тех пор, но бывшие колонисты и коммунары бережно хранят в сердцах память о своем воспитателе, учителе, старшем друге, которого они все считают своим настоящим отцом. До последнего дня жизни А. С. Макаренко сохранил самую тесную связь со своими воспитанниками. В литературных архивах хранится немало пока еще не изданных писем А. С. Макаренко к своим воспитанникам. Среди них есть и письмо бывшему коммунару В. Г. Зайцеву и ответ на письмо воспитанника о том, что ему снился сон будто бы «все бывшие коммунары после нескольких лет разлуки встретились в своей коммуне», Антон Семенович 6 октября 1938 года писал: «Твой сон мне очень понравился, и уже я сам начинаю подумывать о съезде дзержинцев, но сейчас у меня даже нет времени, чтобы составить адресный список всех моих друзей, а это нужно обязательно сделать, а то всех растеряем. Кстати, к тому времени все судьбы наши определятся, все успеют закончить разные курсы и вузы, народят детей, будет что рассказать. К сожалению, едва ли такой съезд можно будет устроить в коммуне». В этом же письме Антон Семенович с грустью пишет, что коммуна с 1 января 1939 года как воспитательное учреждение закрывается.

Уже по этому письму мы можем судить, насколько близок и дорог А. С. Макаренко был его воспитанник В. Г. Зайцев.

В коммуне В. Г. Зайцев был неизменным членом литературного кружка, и в литературном архиве хранятся некоторые его юношеские произведения.

Обладая литературными способностями, В. Г. Зайцев написал немало рассказов и очерков о жизни коммуны. С большой теплотой и знанием В. Г. Зайцев рассказывает в своих произведениях об Антоне Семеновиче, его отношении к воспитанникам и воспитанников к нему. Эти очерки ценны прежде всего своей правдивостью и художественной убедительностью.

К наиболее ярким рассказам следует отнести «В полную меру сил», «Без портрета», «Евгений Онегин», «Ночной сеанс», «В трамвае».

В рассказе «В полную меру сил» автор приводит следующую очень интересную мысль Антона Семеновича: «Заранее себя готовить к серенькому существованию — просто безвольно и глупо. Всегда надо равняться на великих людей, работать в полную меру сил! Конечно, Пушкиным или Горьким не всякому дано быть, но если ты стремишься стать отличным специалистом, то хорошим всегда сделаешься»...

Заслуживают большого внимания и впервые публикуемые рассказы, такие, как «Сто окурков», «Стакан вина», «Случай со Шведом».

Во всех рассказах и очерках Зайцева убедительно и правдиво освещается мастерство А. С. Макаренко. В настоящее время еще не создана научная биография Антона Семеновича, но нет никакого сомнения, что произведения В. Г. Зайцева, имея сами по себе литературно-художественную ценность, в то же время явятся весьма полезным вкладом в биографию А. С. Макаренко.

*Профессор И. Э. ФЕРЕ,
бывший агроном колонии имени Горького,
Е.С. ДОЛГИН, педагог.*

«Поэтический беспорядок»

Был коммунар Фимка Ройтенберг, но все его называли Роя. Он писал стихи, слыл оратором, а о его рассеянности ходило в коммуне множество анекдотов.

Однажды во время утренней поверки с этим Роем произошел такой случай.

Поверку, как всегда, проводил вместе с дежурным по коммуне и дежурным членом санитарной комиссии Антон Семенович. Проверяли они чистоту спален. От внимания Антона Семеновича не ускользал даже малейший беспорядок. Заходя в комнату, он первым делом по очереди всматривался в ее обитателей. «Так. Аккуратен. Подворотничок чист. Подстрижен...» Затем беглый взгляд на помещение: «Пол натерт. Окно чистое... Ага!» Антон Семенович вынимал из кармана белоснежный носовой платок и решительно направлялся к окну. Все замирали. Он, не торопясь, наматывал на указательный палец угол платка и проводил им по оконной ручке... Пыль!

— Записать! — коротко бросал он дежурному.

Но зато каким добродушным становилось его лицо, когда в комнате действительно было все в порядке.

— Благодарность в приказе! — говорил он громко в таких случаях. — И всем билеты на вечер в театр.

В то утро, о котором идет речь, в комнате, где жил с тремя коммунарами Ройтенберг, Антон Семенович стал, помимо всего, просматривать и шкаф для одежды. Такие шкафы были в каждой спальне. Они состояли из нескольких отделений, по количеству жильцов. Каждый мог в своем отделении повесить выходной костюм, полотенце; на верхней полке держали мыло, зубной порошок и другие предметы туалета, внизу — щетку и крем для обуви.

Осмотрев комнату и удовлетворившись ее видом, Антон Семенович открыл в шкафу первую дверцу слева.

Все — и проверяющие и жильцы — ахнули.

На нижней полке из-под растрепанной толстой тетради выглядывала дырявая пятка синего носка, валялось несколько измятых, исписанных вдоль и поперек листков бумаги, обрывков газет. Все это было придавлено большим ботинком.

— Чей это шкаф? — сердито спросил Антон Семенович. Его обычно бледное лицо залилось краской.

— Мой, — еле слышно ответил Ройтенберг.

Он стоял, низко опустив голову, и казалось, что густая курчавая шевелюра оттягивает ее книзу.

— Антон Семенович, — обратился к нему старший по комнате. — Роя вчера долго писал стихи, а мы уже спали. Не проверили. Вот и получилось...

— Поэтический беспорядок! — В голосе Антона Семеновича слышалось большое огорчение. — Два наряда вне очереди!

— Есть два наряда!

Один наряд пришлось отрабатывать в этот же день. Вечером дежурный велел Ройтенбергу натереть паркет в кабинете Макаренко. Роя, сунув под ремень полотерной щетки правую ногу, с усердием стал трудиться. Когда дело уже подходило к концу, пришел Антон Семенович.

— Извини меня, — сказал он, — я мешать не буду. Мне надо поработать...

Он сел за стол и углубился в бумаги. Немного погодя спросил:

— Что-нибудь новое написал?

Роя, не прекращая работы, ответил:

— Комсомольскую песню вчера сочинил.

— Песню? Это хорошо. Может, кто-нибудь из коммунаров к ней музыку напишет. А в крайнем случае попросим Левшакова*. Будет своя песня. Мы с ней на демонстрацию пойдем.

В это время в кабинет вошел дежурный. Роя сразу отвернулся и еще пуще стал тереть щеткой пол. Антон Семенович как ни в чем не бывало, занимался своими бумагами.

Но дежурный слышал их разговор. «Чудной, — подумал он, — сам наказал, а теперь радуется сочиненной песне».

* Руководитель духового оркестра в коммуне

Без портрета

Первая часть «Педагогической поэмы» была напечатана в альманахе «Год XVII», но отдельной книгой две части вышли впервые на украинском языке. Книгу, очевидно, предполагали издать с портретом автора.

Однажды вечером, незадолго до заседания совета командиров, в кабинете Макаренко раздался звонок. К этому времени уже собрались почти все командиры. Они сидели на узких диванах, стоящих вдоль стен, и разговаривали между собой. В кабинете было шумно, нередко раздавались взрывы дружного смеха.

— Тише, товарищи, — попросил Антон Семенович. Он снял трубку и некоторое время внимательно слушал. Потом сказал: — Думаю, не нужно, — и усмехнулся, как обычно, чуть с хитрецей, посмотрев на притихших коммунаров.

Такие слова, наверное, удивили того, кто звонил Макаренко. Он стал что-то разъяснять и, волнуясь, все больше и больше повышал голос.

— Читатель прочтет хорошую книгу и обязательно захочет посмотреть, кто автор, — кричала трубка, и теперь уже не было надобности держать ее возле уха.

Антон Семенович осторожно положил трубку на стол и, глядя в микрофон, отвечал:

— Тем более не следует помещать портрет. Если книга понравится, то моя фотография ничего к этому не прибавит, разве только разочарует.

— У меня нет времени выслушивать ваши шутки! — раздраженно, фальцетом выкрикивала трубка.

— А я и не думаю шутить, дорогой товарищ. — Макаренко взял трубку снова в руки и сказал спокойным, доверительным голосом: — Я не помню, сколько уже лет не фотографировался. Сохранилась одна фотография, но там мне лет двадцать. Это вас не устроит. А других — ни хороших, ни плохих — у меня нет. Да и к чему это? Лицо у меня, как говорится, нефотогеничное. Без портрета будет проще, а для вас меньше хлопот.

После этого в телефоне что-то щелкало еще минуты три, но Антон Семенович отмалчивался или отвечал односложно: «Нет, не нужно», «Да, я так думаю...»

На том разговор и кончился.

Как только трубка легла на рычаг, поднялся один из коммунаров и сказал:

— Антон Семенович, мы просим вас, дайте фотографию для книги.

А другой выкрикнул с места:

— Какой дурак сказал, что у вас лицо нефотогеничное?

Антон Семенович встал и тяжело уперся ладонями в стол.

— Вы на чью мельницу воду льете? — спросил он, сердито округляя глаза. — Вы кто мне: друзья или недруги?

— Друзья! — ответили все.

— А почему же заставляете делать то, к чему душа не лежит?

И, помолчав, добавил:

— А насчет нефотогеничного лица никакой дурак мне не говорил. Это я сам хорошо знаю.

Андрей Гальченко

Володя Яковлев всех нас удивил.

— Вот «Мажор», пьеса о нашей коммуне, — сказал он, поднимая над головой небольшую книжку.

Мы бросились к нему. Да, действительно, в аннотации так и сказано: «Одобренная на Всесоюзном конкурсе пьеса Андрея Гальченко «Мажор» знакомит зрителя с жизнью харьковской трудкоммуны имени Ф. Дзержинского».

Кто же такой этот Андрей Гальченко? И откуда он может знать, что собой представляет наша коммуна?

— А это еще вопрос, знает он коммуны или не знает, — заметил Саша Нечаев.

— Знает. Я читал. Как будто по пятам ходил за нами, — сказал Яковлев.

Тем временем, рассматривая список действующих лиц, большеголовый и высокий Вася Федоренко уличал драматурга:

— Ох и хитрущий! Забегай. Так это ж наш Захожай! Зырянский. Ну, ясно же — Землянский...

— Тут хитрость небольшая, — заметил Нечаев, — а вот ни разу не бывать в коммуне и о ней написать пьесу, это надо уметь. Не мог же посторонний человек ходить среди нас, высматривать да выслушивать все и оставаться незамеченным.

Мы тут же уселись на траве и, не отрываясь, залпом прочли «Мажор».

Сомнений не оставалось. Автор прекрасно знает жизнь коммуны, написал о ней правдиво и увлекательно. Кто же он?

— Не иначе как дружок Антона Семеновича. Видно, сильно заинтересовался коммуной. Антон Семенович ему все и рассказал.

— Тут одной беседой не обошлось...

— Бесед могло быть много, — отстаивал свою мысль Федоренко. — Антон Семенович так расскажет, что драматургу уже и наблюдать нечего, только садись да записывай.

— Тогда проще самому Макаренко сесть да и написать.

— Да, просто. Одно дело роман, а другое — пьеса, — возразил Яковлев.

— Думаешь, Антон Семенович не смог бы написать пьесу?

— Умел, так написал бы. А зачем бы он стал кому-нибудь это дело перепоручать?

— А давайте к нему пойдем и все выясним.

Мы направились в кабинет Макаренко. Антон Семенович, задумавшись, сидел за письменным столом. Перед ним лежали счета. Рядом — белый лист, исписанный четкими и круглыми цифрами.

— С чем пожаловали? — спросил Антон Семенович, не отрываясь от своего занятия.

— Да вот, — вышел на середину Федоренко, — читали пьесу Андрея Гальченко...

Федоренко запнулся, и я докончил начатую им фразу:

— «Мажор»... И не все там понятно.

— Что же вам непонятно? — Макаренко отложил ручку. Под стеклами очков лукаво поблескивали глаза.

— В пьесе понятно все, — сказал Яковлев, — а вот не ясно, как этот человек, не бывая в коммуне, написал такую вещь.

— А почему вы думаете, что автор не бывал в коммуне?

Антон Семенович вышел из-за стола и прошелся по кабинету.

— Садитесь, — предложил он нам, — чего стоите, поговорим.

Мы сели рядышком на диване возле окна.

— Ну пускай был. Но без вашей помощи тут не обошлось, — настаивал Яковлев.

— Ты думаешь?

— А как же. Ваш стиль чувствуется, — сказал Федоренко.

Антон Семенович громко рассмеялся. А потом спросил очень серьезно:

— Так, говоришь, мой стиль?

— Ну да!..

Ладно. Сдаюсь. — Макаренко подошел к нам с поднятыми вверх руками. Мы уступили ему место на диване, ожидая с интересом, что он скажет.

Антон Семенович пощипал короткий ус:

— Пьесу написал я. Давайте начистоту выкладывайте, что в ней плохого.

— А почему Гальченко?

— Вот чудачки человеки! В первый раз в жизни пьесу написал. Послал на конкурс. Страшно было. Педагог как педагог, а тут вдруг плохим драматургом заделался. И вас и себя подвел бы.

«Евгений Онегин»

К выходному дню подводились итоги за шестидневку, и отряды, в которых не было случаев нарушения дисциплины, получали премию — билеты в театры Харькова. Коммунары, едущие в театр, извещались об этом заранее. Сразу же после ужина голубой автобус увозил их в город.

В один из весенних вечеров, ожидая автобус, ребята нашего отряда собрались у парадного подъезда коммуны. Говорили о спектаклях, на которых предстояло побывать. На гранитной ступеньке стоял Антон Семенович, молча курил папиросу.

Ваня Гостев сказал недовольно:

— В оперу мне билет достался, на «Евгения Онегина», а я его уже видел...

— Оперу слушают, — поправил его Митя Мохарев.

— Все равно, и слушать второй раз неинтересно.

— Как? — удивился Антон Семенович и сошел со ступеньки к нам на тротуар. — Ты говоришь, что второй раз неинтересно слушать оперу «Евгений Онегин»? А знаешь, я восемь раз ее слушал и еще пойду.

— Так то вы-ы...

— А чем ты хуже меня?

В это время подошел автобус, и разговор был прерван.

Через несколько дней на заседании совета командиров Антон Семенович неожиданно для всех задал вопрос, не имевший никакого отношения к повестке дня:

— Интересно, кто из вас знает наизусть хотя бы отрывок из оперы «Евгений Онегин?»

Коммунары удивленно переглянулись, но Макаренко повторил свой вопрос.

— Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог, —

стали наперебой декламировать несколько человек. Но, прочитав строк пятнадцать, сбились и под общий хохот умолкли. Девчата пытались вспомнить письмо Татьяны к Онегину, но тоже без особого успеха.

— Да-а, — Антон Семенович укоризненно посмотрел на нас, — такую прекрасную вещь и не запомнить...

Он поднялся со стула и стал ходить по кабинету, заложив ладонь за широкий кожаный пояс.

— Давайте вместе подумаем, что нужно сделать для того, чтобы все наши коммунары полюбили это замечательное произведение.

С помощью Антона Семеновича совет командиров тут же наметил программу действий.

Прежде всего пригласили в коммуну профессора-литературоведа. Ученый прочел популярную лекцию о жизни и творчестве Пушкина. Он рассказал нам историю «Евгения Онегина» и показал на примерах, какого высокого мастерства добился поэт в своем романе.

Через два-три дня к нам приехал известный музыковед. Целый вечер мы слушали увлекательный рассказ о Чайковском и его опере. До поздней ночи гость играл нам на рояле отрывки из произведения великого композитора.

А вскоре к нам приехали артисты. Они исполнили несколько сцен из оперы «Евгений Онегин».

Коммунары с жадностью набросились на роман, читали его запоем. Только теперь мы могли по-настоящему оценить красоту и силу пушкинских стихов!

В ту пору у Макаренко было немало противников. Они относились с большим недоверием ко всем его начинаниям. И на этот раз они говорили, что он затеял вредную «кампанейщину».

Но Антон Семенович был счастлив, видя, с какой радостью мы открывали для себя все больше и больше замечательного в поэзии и музыке.

Однажды вечером Макаренко предложил:

— А теперь давайте объявим конкурс на лучшего чтеца «Евгения Онегина».

Оказалось, что сам он знает наизусть целые главы пушкинского романа. Мы собрались в «тихом клубе» (так назывался один из залов в коммуны), и Антон Семенович прочел всю первую главу без запинки. Читал он просто, слегка хрипловатым голосом.

Среди коммунаров нашлись его последователи и даже «конкуренты». В особенности преуспели Клава Борискина, Шура Сыромятникова и Митя Терентюк. Каждый из них выучил по несколько глав.

Кстати, все трое впоследствии стали артистами...

Потом коммуна в полном составе поехала в оперный театр слушать «Евгения Онегина».

В антрактах артисты в костюмах и гриме ходили по фойе в обнимку с коммунарами, дружески беседуя. Антон Семенович попросил, чтобы разыскали Ваню Гостева. Когда тот пришел, Макаренко, заговорщически посмотрев на собравшихся вокруг ребят, спросил его:

— Ну как, Ваня, трудно слушать оперу в третий раз?

Ваня, очевидно, ждал этого вопроса. Он ответил быстро, с вызовом:

— Три раза — что? Я вот думаю, как и вы, девять раз побывать.

Макаренко взял Ваню за плечи и слегка привлек к себе.

— Значит, ты рассчитываешь, что я на девяти посещениях остановлюсь?

Все засмеялись, а Гостев безнадежно махнул рукой:

— Я же говорил. За вами разве угонишься...

В полную меру сил

Незадолго до Первого мая Антон Семенович вызвал к себе членов литературного кружка и предложил выпустить к празднику литературную страницу в нашей многотиражной газете «Держинец».

Подберите стихи, песни, может, рассказ у кого написан, а очерк просто закажите, — советовал он, — и со всем этим материалом приходите ко мне.

Макаренко передал нам листок бумаги. На нем было написано зеленым карандашом несколько строк.

— Тут примерные темы для очерков. Пусть подумают хлопцы.

Выслушав его, мы собрались уходить, но Афанасий Сладков, вынув из кармана ученическую тетрадь, свернутую трубкой, обратился к Макаренко:

— Посмотрите, Антон Семенович, новое стихотворение. Если что не так, я переделаю.

Макаренко охотно прочел стихи вслух.

— Нет. Мне кажется, здесь все так, — проговорил он, — написано с чувством. Подойдет для литстраницы.

Возвращая тетрадь, он спросил:

— Значит, серьезно хочешь стать поэтом?

— Да, хочу...

— Хорошим поэтом?

Сладков неопределенно повел плечами:

— Не знаю...

— Если ты не знаешь, то кто же знает?

— Там будет видно...

— Не согласен! — возразил Антон Семенович. — Заранее готовить себя к серому существованию — безвольно и глупо. Всегда надо равняться на великих людей, работать в полную меру сил! Конечно, Пушкиным или Горьким не всякому дано быть, но если ты стремишься стать отличным специалистом, то хорошим всегда сделаешься.

...Несколько позже эту же мысль Макаренко высказал на общем собрании, когда мы провозжали в институт группу коммунаров, окончивших рабфак. Он призвал выпускников избрать такую профессию, которой хочется отдать себя всего целиком.

— Чтобы не только в служебные часы чувствовал себя конструктором или врачом, а всегда — днем и ночью, всю жизнь! — сказал он в заключение.

Преподаватель химии

Мы уже знали, что химию будет вести новый преподаватель. На урок он пришел с небольшим опозданием, держа под мышкой большой разбухший портфель. Внешний вид преподавателя нас поразил. Со взлохмаченными волосами, обсыпанными табаком лацканами пиджака и сбитым набок тонким и закрученным спиралью галстуком он показался нам очень смешным, даже каким-то беспомощным. Живописное зрелище представляли его ботинки — огромные, явно не по ноге, давно не чищенные и почти не зашнурованные. Проходя по классу, он высоко поднимал ноги и с грохотом опускал их.

Началось перешептывание, полетели через головы записочки. О химии никто и не думал. Каждое движение преподавателя приводило нас в восторг. Многие уже смеялись вслух, шумели, покашливали на все лады.

Преподаватель вначале старался ничего не замечать, но потом не выдержал, раскричался, схватил портфель и убежал.

Антон Семенович велел немедленно вызвать старосту курса. Старостой была одна из лучших учениц и активисток коммуны Нина Курьянова. Она вошла в кабинет, поздоровалась.

— Что у вас там происходит? — спросил Макаренко спокойно, однако мускулы на его скулах подергивались.

Нина молчала.

— Я спрашиваю, что у вас на курсе творится?

Что Нина могла на это ответить? Ведь виноват прежде всего староста.

Макаренко превосходно умел владеть собой. В самые трудные минуты жизни он не показывал огорчения, учил коммунаров не падать духом и сам так поступал. Любые комиссии, делегации, представители видели его неизменно спокойным, уравновешенным, слегка иронизирующим. Но в коммуне, с глазу на глаз с коммунарами, он жил обыкновенной жизнью, как живут в своей семье. Ни к кому не подлаживался, не напускал на себя нарочитого добродушия или строгости. Если он веселился, то по-настоящему, без поглядывания на себя со стороны: «А удобно ли в моем положении?». Сердясь, мог и накричать и разволноваться так, что потом держался за сердце и пил валерьянку.

Больше всего коммунары опасались его гнева — не потому, что боялись наказания, а потому, что берегли его сердце.

Любые слова в данный момент только подлили бы масла в огонь, и Нина Курьянова от-малчивалась, выжидала.

Макаренко не вспылит. Он развел руками и проговорил совсем тихо:

— И это называется рабфаковцы! Никакой солидности. Пришли бы и сказали: «Учитель неряшлив». Я бы объяснил ему, каким надо являться в класс, поговорил бы просто, по-человечески. А вы какой метод избрали?

Тогда Нина спросила:

— Антон Семенович, задержать после урока весь наш курс? Вы поговорите?

Вот теперь он дал волю своим нервам:

— Не о чем мне с ними говорить! Я могу говорить с умными людьми, а для таких бузотеров и пустомелей у меня нет слов! Иди и так передай им.

— Есть так передать!

Нина ушла.

В этот день на втором курсе рабфака провели собрание. Все были очень удручены происшедшим. Внимательно выслушав старосту, решили: считать свой поступок хамским, просить прощения у нового преподавателя и у Антона Семеновича.

Очередной урок химии проходил обычным порядком. И новый преподаватель, и коммунары всем своим видом показывали, что прошлое забыто. Преподаватель оказался знающим

человеком и быстро завоевал симпатии рабфаковцев. Он пришел в аудиторию гладко выбритым, в новом костюме, начищенных ботинках и благоухал одеколоном. Коммунары проявили исключительную тактичность, ничем не выдавая своих чувств.

Все догадывались, что простой, человеческий разговор между Антоном Семеновичем и преподавателем химии состоялся.

Регламент

Общие собрания проводились почти ежедневно и занимали они не больше 20 минут.

Нарушил ли кто-нибудь порядок, нагрубил, опоздал на работу, потребовалось ли договориться, как лучше организовать экскурсию, поход, — Макаренко коротко бросал сигналисту: — Общий сбор!

Шустрый паренек, вскинув горн, прижимал его к губам, и властные звуки сигнала врывались в окна и двери.

Обычно общий сбор трубили в перерыве между сменами на заводе и в школе или по вечерам. Зал наполнялся быстро, и собрание начиналось сразу же.

Макаренко не любил демагогических рассуждений, зло высмеивал краснобаев и требовал выступлений толковых, кратких, деловых. На это вполне хватало одной минуты. Так уж повелось, что на таких собраниях более минуты почти никто не говорил. В некоторых случаях, когда вносилось очень важное предложение, выступающий заранее предупреждал, что не сможет уложиться в одну минуту, и ему разрешали говорить больше.

Были, конечно, и другие собрания — производственные, комсомольские — с докладами и прениями. Но речь не о них.

Сам Антон Семенович, выступая, говорил мало, скупыми фразами, только о сути дела.

А вот коммунары Миша Колыванов в такой жесткий регламент никак уложиться не мог. Он любил пофилософствовать, посмаковать каждое слово, вспомнить то, что было полгода или год назад. Коммунары его поторапливали:

— Ближе к делу!

— Регламент!

— Какой регламент? — возмутился Колыванов на одном из собраний. — Я за него не голосовал. Затвердили: «минута, минута», а что за минуту скажешь?

Услышав это, Антон Семенович поднялся со стула и ответил ему, ставя ударение на каждом слове:

— Минута — целых шестьдесят секунд. А за шестьдесят секунд можно высказать шестьдесят мыслей!

И сел. По залу пронесся гул одобрения. С тех пор эта фраза о шестидесяти мыслях в минуту стала нарицательной. Стоило кому-нибудь выступать не по-деловому, непродуманно, как сразу слышалась реплика:

— Секунды идут, а где же мысли?

В трамвае

Секретаря комсомольской организации Виктора Суржина вызвали в горком комсомола. Он обратился к Дидоренко — заместителю начальника коммуны по хозяйственной части:

— Степан Акимович, мне срочно нужно поехать в город, в горком вызывают, разрешите взять машину.

— Грузовая машина занята, а автобус не могу посылать. Это все же не легковая, — ответил тот.

— Степан Акимович, но я ведь не по своим личным делам, — настаивал Суржин. Разрешите автобус.

— Не могу.

— Хорошо. Я пойду к Антону Семеновичу. Он меня скорее поймет.

Антон Семенович в кабинете не было. Походив по коммуне и нигде не найдя Макаренко, Суржин посмотрел на часы: вызывали на 12. Остается 40 минут. Что делать?

Пришлось идти пешком на остановку трамвая. Дорога пролегла через лес, окружавший с трех сторон коммуну. «Целый километр пешком переться, — злился Суржин, сбивая на ходу крупные листья подорожника. — Вот я расскажу Антону Семеновичу, как Дидоренко относится к комсомолу...»

Лес остался позади. Суржин вышел на Белгородское шоссе и пересек его. На остановке, к своему удивлению, он увидел Макаренко. Подошел трамвай, и они оба вошли в него: Суржин следом за Антоном Семеновичем. Только трамвай тронулся с места, Суржин заинтересовался:

— А почему вы, Антон Семенович, едете в город трамваем?

— А чем же? Автобусом? Совершенно нелепо гнать такую махину из-за одного человека. Людям неудобно будет смотреть в глаза: один в пустом огромном автобусе.

Но, очевидно, заметив недоуменный взгляд Суржина, Антон Семенович внезапно спросил:

— А ты разве думаешь иначе? Погнал бы ты автобус, когда можно свободно ехать трамваем?

— Видите, Антон Семенович...

Макаренко холодно посмотрел ему в лицо и предупредил:

— Только без дипломатии, Виктор. Не люблю. Покраснев до ушей, Суржин признался:

— А я вас искал по всей коммуне, хотел пожаловаться на Дидоренко за то, что он не дает мне автобус поехать в горком.

— Искал и не нашел?

— Не нашел, — почти шепотом ответил Суржин.

— Ну и хорошо, что не нашел. Оба весело рассмеялись.

Хорошие манеры

По лестнице подымалась коммунарка Поля Зыкова. Ее светлые волосы челкой спадали на лоб, почти касаясь густых черных бровей. Поля держала в руках большой букет цветов, бережно прижимая его к груди.

На верхней площадке показался Литом Семенович. Посмотрев на Полю, улыбнулся и поправил очки

— Плоды твоего труда?

— Да, Антон Семенович, это меня садовник премировал.

Был выходной день. Макаренко спросил:

— Полина, что делают наши девчата?

— Они в спальне, отдыхают после завтрака

— Ну, пойдем, я посмотрю, как вы живете.

— Ой ! — воскликнула Зыкова и заторопилась по коридору. — Я их предупрежу.

Несколько девушек выскочили из спальни навстречу Макаренко, взяли его под руки, повели к себе.

Макаренко положил на подоконник фуражку, сел у окна. Девушки окружили его.

Антон Семенович скосил глаза в угол, где помещалось трюмо. Перед зеркалом стояла Шура Веткина, перевязывая пышные каштановые волосы ярко-голубой лентой. В отличие от большинства коммунарок она любила одеваться пестро. И сейчас на ней короткое в цветах платьице, стянутое на тонкой талии красным поясом.

— Шура решила всех в Харькове поразить, — заметил Макаренко.

Веткина смутилась:

— Я в город к сестре собираюсь.

— А знаешь, Шура, — сказал он, внимательно рассматривая ее наряд, — я бы на твоём месте не надевал этот бант. Не гармонирует.

Немного помолчав, Антон Семенович уже обратился ко всем:

— Между прочим, девушки, искусство красиво одеваться состоит не в том, чтобы шить одежду из тканей кричащих тонов и каких-то затейливых фасонов. Наоборот, глаз радуется строгость форм и умелый подбор расцветок.

— Но есть же люди, которым идут платья ярких расцветок? — спросила Веткина.

— Одежда имеет свое прямое отношение к внешнему виду, и если к ней относиться без разбору — значит не уделять внимания своей внешности, — ответил Макаренко. — Красный пояс, например, к твоему платью подходит, а голубой бант все портит.

— А это правда, что комсомолкам нельзя носить крепдешин? — спросила Оля Кравченко, смуглая, остроносая, с большими иссиня-черными глазами.

— Такого запрета, я думаю, нет. Только надо самому думать, куда в каком платье являться. В театр и в крепдешине можно. Но я уверен, что для хорошего платья не обязательно иметь дорогую ткань. Важно хорошо подобрать цвет и фасон.

Макаренко, проведя ладонью по стриженной под машинку голове, посоветовал:

— Вы соберитесь и поспорьте на собрании о вкусах, о манерах хорошего тона.

— А помните, Антон Семенович, в прошлый раз вы так же с нами беседовали, — торопливо заговорила Тоня Яценко. — Вы и тогда нам рассказывали о хороших манерах: как себя в театре держать, и гостях. Я об этом говорила мальчикам из нашего комсомольского бюро — Суржину, Остапчину, а они говорят: «Пустяки, предрассудки».

— Суржин — неплохой парень, но суховат, — заметил Макаренко. — А манеры хорошего тона — это просто показатель воспитанности человека и его отношении И окружающим людям. Глупо как рассуждать: предложить пожилому человеку или женщине стул — это пахнет стариной, а задеть плечом прохожего и не извинится — это вполне современно. Откуда

берется такое неуважение к людям и к себе в том числе? — Макаренко широко развел руками: — Я не понимаю.

Антон Семенович поднялся, взял фуражку.

— Значит, соберемся и поговорим обстоятельно о хорошем тоне. Поспорим, нужен ли он нам, советским людям, комсомольцам.

— Воображаю, как будет обескуражен Витька Суржин. Скажет, девушки с ума сошли, — певуче проговорила Веткина, комкая и руке голубой бант.

— Так и решили, — сказал Антон Семенович. — Он чудака, этот Виктор. Сам дисциплинирован, вежлив, а хорошие манеры его смущают. Мы ему сообща разьясим. Зубы чистить — это хороший тон. И мы это делаем. Не перегибать листов книги — тоже хороший тон, но не все так поступают. Почему? Видите ли, зубы свои, а книга библиотечная...

Макаренко весело оглядел девушек, стоявших полукольцом возле него:

— Я вам об этом говорю потому, что вам предстоит в будущем воспитывать своих детей, а от того, какими будете вы сами, зависит их культура и поведение.

Ночной сеанс

В кинотеатрах Харькова шел «Чапаев». Завороженные и восхищенные зрители, побывав на одном сеансе, не раздумывая, покупали билеты снова. Всех пленил самобытный обаятельный образ легендарного героя гражданской войны. Всюду только и было разговору, что о нем.

Макаренко сразу оценил огромное воспитательное значение этого фильма для молодежи. Он вызвал к себе киномеханика Иванова-третьего и велел немедля ехать на кинобазу.

Иванов выглядел весьма мрачно.

— Не дадут, — произнес он, рассматривая носок своего ботинка.

— Что значит не дадут? Скажи, что нас шестьсот человек.

— Я уже говорил...

Макаренко с минуту сидел молча, постукивая пальцами по крышке стола в такт своим мыслям. Он знал, насколько у коммунаров огромно желание посмотреть «Чапаева». А когда уже появятся рецензии в газетах, когда отдельные воспитанники посмотрят картину в городе, киносеанс в коммуне потеряет свою свежесть.

Он снял трубку и позвонил на кинобазу.

Ему объяснили, что все копии фильма закреплены строго по плану за киноустановками. Часы и дни сеансов объявлены в афишах, и отменить их нельзя.

Но вы поймите, дорогой товарищ, как важно в воспитательных целях показать эту картину именно сейчас у нас в коммуне, — разъяснял он работнику кинобазы.

Затем Антон Семенович внимательно слушал ответ, вид у него был не менее унылым, чем у киномеханика.

Но вот Иванов, внимательно ловивший каждое слово Макаренко, встрепенулся. Лицо Антона Семеновича Вдруг прояснилось, а за стеклами очком засияли, улыбаясь, глаза.

— Это, пожалуй, идея, — воскликнул он обрадованно, ударив свободной рукой по столу, — на этом варианте и остановимся, Я тут с товарищами посоветуюсь, и все будет в порядке. Спасибо, товарищ.

Повесив трубку, он объяснил Иванову:

— Картина действительно занята и нарушать план они из-за нас не могут. Можно было бы всей коммуной поехать и город, но билеты уже проданы на неделю вперед. Кинобаза предлагает получить сегодня «Чапаева» после окончания работы театров и пустить его у нас в час ночи.

— После отбоя?

— Поскольку это будет час ночи, то, надо думать, что после отбоя, — ответил Макаренко, невесело усмехнувшись.

Он заранее предвидел, что некоторые дамы из наробраза строго осудят это «антипедагогическое» мероприятие и станут выражать свою жалостливость «несчастливым детям», попавшим к такому тяжелому и злому человеку, как Макаренко.

Совет командиров восторженно отнесся к организации ночного сеанса «Чапаева».

— Значит, принимаем такое решение, — сказал Антон Семенович, заключая прения; он положил руки ладонями книзу на стол и слегка откинулся к спинке кресла: — Сейчас ужин, после ужина — отбой. Ровно без пяти час даем сигнал подъема. В час — начало сеанса. Потом снова — сигнал отбоя.

Когда командиры разошлись, некоторые педагоги остались в кабинете.

Почесав театральным жестом затылок, Макаренко прошелся по кабинету, старательно раскуривая папиросу.

— Свои положенные восемь часов коммунары будут спать, размышлял он вслух, — правда, с перерывом, но это уже не столь большое нарушение, и притом единственный раз. — Он остановился у двери, вопросительно посмотрев на педагогов: — Что приуныли, коллеги?

— Все это вы решили правильно, — сказала пожилая рослая преподавательница математики. — Слышите, Антон Семенович, какой шум в столовой, с какой радостью встречена весть о ночном сеансе? Все это я понимаю душой. Но вот будить ребят ночью ради кино все же очень необычно.

— Необычно, — живо отозвался Макаренко, — я сам об этом думал. Это большое счастье, что наши дети могут спать спокойно по ночам, когда в мире все-таки тревожно. Мы знаем, что возможны всякие неожиданности, и должны поэтому готовить наших юношей и девушек не только к мирному труду, но и к защите Родины... Подъем сегодня в час ночи — это, по существу, игра. Но это и тренировка.

...Ровно в час ночи задорно и неутомонно в кинобудке «громкого клуба» застрекотал аппарат: в переполненном зале отчетливо слышалось дыхание сотен зрителей.

По освещенному экрану, распластав по ветру черные крылья бурки и вскинув над головой искрящийся клинок, мчался на быстроногом коне Чапаев.

Восьмое марта

Антон Семенович играл в шахматы с секретарем совета командиров Леней Разуновским. Сделав ход ладьей, Антон Семенович задумался.

Разуновский заметил:

— Вы сегодня, Антон Семенович, все время отвлекаетесь.

Макаренко усмехнулся:

— Ты думаешь, у меня в голове только твои шахматы?

Но тут же сделал новый ход.

Несколько времени играли молча. Затем Макаренко сказал:

— Через два дня Восьмое марта. Ты об этом подумал?

Разуновский вопросительно посмотрел на Макаренко. Антон Семенович объяснил:

— Если бы наши девочки жили в своей семье, дома, они бы в какой-то мере почувствовали этот день. Сейчас их семья — коммуна. Значит, и надо, чтобы все было, как в семье.

Восьмого марта с утра в столовой на каждом столе, за которым сидели девочки, стояли вазы с цветами.

Антон Семенович поздравил коммунарок с Международным женским днем. Потом в полусутоливой форме заглянул в будущее, высказав предположение, какими станут его воспитанницы. Он учел уже проявившиеся у них склонности к музыке, танцам или общественной работе. Его слова всех рассмешили, коммунары громко зааплодировали.

После этого Антон Семенович объявил:

— Сегодня в столовой весь день обслуживают только мальчики, причем добровольцы, — и лукаво подмигнул девушкам.

Услышав это, несколько старших коммунаров, схватив деревянные подносы, помчались к окну раздачи.

В обед Антон Семенович тоже находился в столовой. Леня Разуновский огласил приказ по коммуне. В нем объявлялась благодарность всем девочкам без исключения: кому за хорошую учебу, кому за успехи в работе, а кому за участие в кружках, за аккуратность и т. п.

В этот день Антон Семенович обедал вместе с нами.

На третье, кроме кофе и булочек, была халва. Любителям сладкого халву давали и во второй раз, и в третий.

За соседним с Макаренко столиком сидел Венька Котович, прозванный за полное, краснощекое лицо и маленький рост «Колобком». Антон Семенович поинтересовался:

— Как, Вениамин, халву любишь?

— О, — воскликнул Колобок, подняв большой палец, хоть бы каждый месяц был дивчачий праздник!..

И вечером всей коммуной, с оркестром, в парадных костюмах отправились в цирк.

Стакан вина

Шло заседание суда. Мне сказали:

— Подождите, Василий Федорович скоро выйдет.

Я слегка приоткрыл дверь в зал и сразу узнал Васю Шапошникова. Он сидел в кресле за массивным столом вишневого цвета. За двадцать лет, которые мы не виделись, он мало изменился: те же светлые, гладко зачесанные назад и немного набок волосы, серые глаза и бледные веснушки у переносицы.

Через полчаса Шапошников освободился. Начались, конечно, расспросы, воспоминания... Узнав, что Василий уже много лет работает судьей, я сказал:

— Удачную ты выбрал себе профессию. Для воспитанника Макаренко самая подходящая.

— Да, — согласился Шапошников, — Макаренко научил меня многому. Вот решаешь судьбу человека и обязательно подумает: а как поступил бы на моем месте Антон Семенович?

И после небольшой паузы Василий добавил:

— Знаешь, я совершенно не терплю пьяниц. И это тоже Антона Семеновича влияние. Помнишь, как это было?

...В один из выходных дней Вася Шапошников отправился в город. Вечером, вернувшись в коммуны, он пошел в кабинет Макаренко, чтобы повесить отпускной номерок. Доска для номерков висела невысоко, любой коммунар свободно доставал до своего гвоздика, но Васю не зря называли «мальцом» — в те годы он был совсем коротышкой.

Поднявшись на цыпочки, он оперся рукой о спинку стула, на котором сидел Антон Семенович.

— Не сопи над ухом, — сказал Макаренко и тут же резко обернулся: — Ты выпил?

— Я... Меня угостили... Стаканом вина...

— А разве ты не был на собрании, когда мы решали, что коммунарам запрещается пить вино? Ты что, не голосовал?

— Голосовал...

— Против?

— Нет. За.

— Голосовал «за» и сам же наплевал на принятое решение? Ты ни себя не уважаешь, ни коммуны. Я еще не встречал человека, которому вино приносило бы счастье, зато бед — сколько угодно... Нет, нам с тобой не по пути. Из коммуны я тебя отправлю.

О том, что Антон Семенович решил отослать Васю Шапошникова, немедленно узнали все коммунары.

В кабинет Макаренко их набилось полным-полно: они просили не наказывать Васю так строго, напоминали Антону Семеновичу, что Шапошников старательно работает, что он не плохой музыкант.

— Он не уважает нашего коллектива, тянется к вину, — возражал Макаренко.

Коммунары не отступали. Наконец, в кабинет явился весь состав духового оркестра. И тогда Макаренко приказал:

— Созывайте общее собрание!

Коммунары сбежались за несколько минут. Макаренко доложил собранию о случившемся и закончил свою речь так:

— Хорошо, я пойду на уступки, раз все вы берете Шапошникова под защиту. Но если за полгода кто-нибудь из вас выпьет хотя бы рюмку вина, я немедленно отправлю из коммуны и виновного, и Шапошникова!

Приказ о Качаеве

В коммуне имени Дзержинского существовало неписаное правило: в столовую все обязаны были являться точно по сигналу. Опоздавший на пять минут входить туда не имел права. Некоторые, особенно старшие, все же иногда задерживались в спальнях и приходили в столовую позже. Макаренко не поднимал по этому поводу никаких разговоров. Он просто, выждав после сигнала пять минут, подходил к двери столовой, где в вестибюле висела доска объявлений, и делал вид, будто его внимание привлекает только эта доска.

Все опоздавшие, спустившись по лестнице и заметив Макаренко, придавали своим лицам озабоченное выражение и, минуя столовую, отправлялись прямо на завод.

Так Антон Семенович приучил всех ходить в столовую вовремя.

Но однажды вышло так, что коммунары Саша Качаев опоздал к завтраку. В это время Макаренко случайно проходил по коридору. Ничего не оставалось делать, как поздороваться с ним и оставить помещение. Саша так и поступил. А на улице его осенила мысль: «Вокруг ни души, окна столовой раскрыты...» Через несколько секунд он уже сидел на своем месте, как ни в чем не бывало. Соседи по столу благодушно посмеивались. Но дежурный все заметил и записал в рапорт.

...Приказы по коммуне обычно зачитывались в столовой. Мы их выслушивали стоя. Так было и на этот раз.

Как только все собрались на обед, послышалась команда:

— К приказу встать! На середину вышел секретарь совета командиров:

«Сегодня, опоздав к завтраку, коммунары Качаев влез в столовую через окно. Приказываю с сегодняшнего дня запретить Качаеву входить в столовую через дверь, а разрешить входить только через окно.

За выполнение данного приказа несет ответственность дежурный».

Обед проходил шумно. Смеялись, обсуждая столь необычное распоряжение. А у Саши совсем пропал аппетит. Не дожидаясь конца обеда, он ушел.

Ужинать Качаев не явился. Не пришел он на другой день и завтракать.

Вызвал его Антон Семенович.

— Почему не ходишь в столовую?

— Вы же запретили.

— Зачем говоришь неправду? Я запретил тебе ходить через дверь. Через окно — пожалуйста.

— Что я, дурак, чтобы в окно лазать?

— А это тебе виднее. Ты сам избрал такой путь. Иди завтракать!

— В окно я не полезу.

— Ну как хочешь.

Перед обедом Качаев пришел к Макаренко уже сам:

— Антон Семенович, отмените приказ...

— Не вижу никакой необходимости. Влезть в окно для тебя пара пустяков.

Качаев нахмурился.

— Антон Семенович, я больше никогда не буду. По глупости так поступил.

— По глупости? — недоверчиво переспросил Антон Семенович, но взгляд его был таким добрым и немного озорным, что у Качаева невольно вырвался вздох облегчения.

— Мне от насмешек прохода нет, — признался он простодушно.

Губы Макаренко чуть тронула улыбка.

— Значит, все понял? Саша кивнул головой.

— Хорошо, — после небольшой паузы сказал Макаренко, — приказ я отменю. Иди.

Голос коллектива

Отпуск на производстве все коммунары получали в дни летних каникул. В это время завод останавливался на ремонт, приводились в порядок общежития, а дзержинцы выезжали отдыхать.

К отпуску готовились заранее. Намечали маршрут, подсчитывали ресурсы. Обычно вопрос, куда отправиться на лето, обсуждался на общем собрании.

Безусловно, Антону Семеновичу не стоило большого труда настоять на своем. Его слово ставилось высоко, и с его мнением всегда считались. Но Макаренко не злоупотреблял своим авторитетом и всегда внимательно выслушивал предложения коммунаров.

Он мог соглашаться с нами или не соглашаться, но, беря слово, говорил без нажима и категоричности, а как бы размышляя вслух. Иногда он даже предупреждал, что ему абсолютно все равно, куда направляться летом, потому что и в летнем походе он лично будет не на отдыхе, а при исполнении служебных обязанностей с той только разницей, что в худших условиях, чем здесь, — без письменного стола и без тишины...

Все, конечно, понимали, что это шутка. В действительности, ему было далеко не все равно, куда поедет коммуна.

Поэтому, высказываясь, он взвешивал все «за» и «против», рассказывал, что из себя представляет тот или иной край, местность, делал предположения, делился сомнениями. В конце концов коммунары убеждались, какой маршрут самый подходящий, и приходили к нужному выводу.

Но мне припоминается случай, когда все это выглядело несколько иначе. В том году, еще с весны, коммунары стали поговаривать о поездке на юг. Мы за последние несколько лет уже ознакомились с достопримечательностями многих городов страны, а теперь просто хотелось пожить у моря.

Макаренко, учитывая такое желание, решил заранее разведать и определить место для коммунарского лагеря. С этой целью была отправлена на юг «экспедиция» в составе Антона Семеновича, двух его заместителей и представителя совета командиров Алеши Землянского.

Вылетели на самолете. Всю дорогу Антон Семенович был в хорошем настроении. Много шутил.

«Экспедиция» побывала в Сочи, Адлере, Гагре и всюду встречала радушие жителей и находила вполне подходящие места для лагеря. Однако Макаренко после того, как он побеседовал с начальником Сочинского вокзала, заметно помрачнел и к осмотру Черноморского побережья особого интереса не проявлял.

Его смущала поездка с двумя пересадками. У нас было около 600 человек, кроме того, много вещей и всякой хозяйственной утвари.

— Надо ехать в Ленинград, — предложил Антон Семенович, — чудесный город, исторические памятники, музеи, Нева... И поездка легкая...

Зная тягу дзержинцев на юг, члены «экспедиции» не сказали ни да ни нет, а оставили вопрос открытым.

— Приедем в Харьков и на собрании обо всем договоримся, — решили они...

На общем собрании Антон Семенович в тот раз как никогда горячо отстаивал свое предложение и, что называется, «расписывал» красоты Ленинграда. В его словах было много резонного, но коммунары, слушая его, поддержки не оказывали.

Они ждали, что скажут остальные члены «экспедиции», в особенности их интересовало мнение Алеши Землянского. Десятки глаз неотрывно следили за ним. Дальше молчать стало нелегко, Алеша решительно тряхнул головой и, заметно волнуясь, встал.

Он впервые пошел «против» Макаренко.

— Мы помним нашу поездку в Москву, — сказал Алеша, — много там интересного, но куда ни пойдешь, все строим. В Ленинграде тоже хорошо, но там можно побывать и в другой раз, а летом то ли дело на Кавказе! Раздолье, простор, море...

Землянский попал в точку. Все дружно закричали:

— В Сочи!

Заметив такое единодушие, Антон Семенович «сдался». Он больше не настаивал на своем варианте, а согласился с мнением коллектива. А чтобы не было никаких сомнений, просто-душно заявил:

— В таком случае я подчиняюсь большинству, снимаю свое предложение и голосую вместе с вами.

...Вскоре вся коммуна выехала на Кавказ.

Сто окурков

Заложив большой палец за кожаный узкий ремешок, в белой косоворотке и тюбетейке, Макаренко ходил по территории летнего лагеря коммуны и, глядя себе под ноги, что-то искал. Время от времени он останавливался, осматривался, не поднимая головы, и шел дальше. Коммунары терялись в догадках, наблюдая за ним издали.

Завершив свой необычный обход, Макаренко направился к штабной палатке. Неподалеку на пне сидел Виктор Шелапутин. Макаренко окликнул его:

— Куришь?

— Курю, Антон Семенович. А что?

— А вот что. Даю тебе час сроку. Собери на территории лагеря сто окурков и принеси мне.

— Антон Семенович, так это же не я. Я в урну бросаю...

— Не знаю. Вас, курильщиков много, и все вы в урну бросаете. А окурки кругом валяются.

Макаренко ушел, а Шелапутин стал присматриваться, где окурки. У палаток они действительно валялись. Быстро нагибаясь, Виктор хватал их и зажимал в кулак. Три мальчика — Кивенко и близнецы Братчины — заинтересовались:

— Ты что делаешь?

Шелапутин разозлился:

— Ну, чего прицепились? Кто вас звал?

— Знаю, знаю! Окурки собираешь. А зачем? — спросил худенький белоголовый Кивенко.

— В утиль буду сдавать.

— А разве берут! — в один голос воскликнули Братчины. — Как? Поштучно?

— На вес. Две копейки за тонну. А ну, брысь!

Ребята почувствовали, что лучше уйти, и отстали. Окурков оказалось не так уж много. Пожалуй, ста и не наберешь... Шелапутин забеспокоился. Легко сказать: сто окурков! А где их взять? Он заглядывал во все уголки, ходил на спортплощадку, дважды обошел вокруг столовой.

В конце концов сотый окурочек был найден. Шелапутин положил их в сделанный из газеты кулек и пошел в штабную палатку. Доложил, как полагалось, что приказание выполнено.

Макаренко, слегка запрокинув голову, посмотрел на него сквозь очки.

— Проверять не надо?

— Не надо, Антон Семенович. Ровно сто.

— Хорошо, положи и можешь быть свободным.

Шелапутин побежал к реке купаться. На песчаном берегу сплошь лежали коричневые тела мальчиков, многие с разбегу прыгали в воду, ныряли. Крик, смех. Несмотря на общее оживление, фигура возбужденного Шелапутина сразу была замечена. Шум стал спадать. Шелапутин на ходу крикнул во все горло:

— Хлопцы, Антон злится. Окурки в урну не бросаете! — и добавил уже тише: — Может, кому непонятно? Могу провести индивидуальную беседу.

Через несколько часов на территории лагеря была полнейшая чистота. В траве нельзя было найти не только окурка, а даже обгорелой спички.

Макаренко, подойдя к группе старших коммунаров, собравшихся у библиотеки, лукаво спросил:

— Чи вы курить бросили, хлопцы? Хоть бы один окурочек побачить...

— Ох и хитрый вы, Антон Семенович, — захохотали коммунары.

Открытие таланта

Ваня Ткачук был первой трубой в духовом оркестре, и музыканты возлагали на него большие надежды.

Мальчик он жизнерадостный и общительный, с мягкими, мелко вьющимися волосами и румянцем на всю щеку. И кроме того, увлекающийся. Неожиданно загорелся футболом, но брали его в команду неохотно.

— Ты, Ваня, словно девица красная, какой из тебя футболист! — говорили ему ребята.

Но Ваня стоял на своем, на поле держался смело, расторопно и вскоре стал среди футболистов своим человеком.

В тот день Ткачук забежал в спальню, кажется, за бутсами. Спешил. Но, заметив на своей подушке белый конверт, взял его, достал записку и прочел:

«Товарищ Ткачук! Прошу сегодня в 7 часов вечера зайти ко мне в кабинет. А. Макаренко».

— Чего бы это? — недоумевал Ткачук. — Ругать, кажется, не за что. Хвалить — тоже...

В кабинет Макаренко он постучался минут на сорок раньше. Антон Семенович сказал с укоризной:

— Я же тебя на семь часов приглашал... Ну да раз пришел, садись.

Макаренко собрал со стола листы бумаги, аккуратно сложил их в папку, завязал тесемками и запрятал папку в ящик стола.

— У нас организовался драмкружок. Слышал?

— Слышал, Антон Семенович, — отвечал Ткачук, стараясь догадаться, какое это имеет отношение к нему.

— Хотим поставить комедию известного французского драматурга Мольера «Тартюф». Не приходилось видеть?

— Нет, не приходилось...

— Хорошая пьеса. Умная. Нам артисты театра русской драмы помогут ее поставить. Мы уже роли распределили, а одну роль решили тебе предложить.

— Антон Семенович, я не смогу. Что вы! — смутился Ткачук и даже руками замахал.

— Почему не сможешь? — спокойно спросил Макаренко.

— Да я никогда и не пробовал играть. Не получится.

Макаренко улыбнулся.

— Откуда ты знаешь, что не получится, если ни разу не пробовал?

Ваня молча пожал плечами.

— Ну вот что, — сказал Макаренко, — сегодня в восемь репетиция. Приходи. Думается мне, что у тебя должно получиться.

А когда Ткачук собрался уходить, предупредил его:

— И если получится — это еще ничего не значит. Не вздумай сразу бросать оркестр и футбол.

Руководила драмкружком актриса Людмила Александровна Скопина. Как только пришел Ткачук, она попросила его прочесть какие-нибудь стихи. Он сильно смутился, прочел, сбиваясь, длинное стихотворение. Скопина терпеливо слушала до конца.

— Ясно. Попробуем работать с тобой, — сказала она.

Ткачуку дали роль Дамиса — сына Оргона, одураченного Тартюфом.

На репетициях часто присутствовал Макаренко. Он наблюдал с большим вниманием, но не вмешивался.

А во время перерывов подзывал к себе двух-трех коммунаров и делал свои замечания, давал советы. Ткачуку он сказал:

— Произношение у тебя жуткое. Играешь француза, а говоришь букву «г» на полтавский манер. И фантазии мало. Злишься, а я не верю. Обязательно представь, что тебя обидели, и будь обижен самым настоящим образом...

— Я обижен, — оправдывался Ткачук.

— На меня, наверное, за то, что я втянул тебя в эту историю?

Ваня посмеялся шутке и, пообещав больше думать над ролью, удалился.

Подошла Скопина. Она, не скрывая укора, сказала Макаренко:

— Вы говорили, что Ткачук — живой мальчик. Где же его живость?

— Разойдется, — уверенно сказал Макаренко. — Вы меня еще благодарить будете. Я к нему давно приглядываюсь.

Спектакль готовили долго, кропотливо. Людмила Александровна заставила кружковцев прочесть статьи о людях и нравах той эпохи, которую отобразил Мольер. Требовала безукоризненно точных движений, взглядов, мимики. Одну и ту же реплику заставляла повторять десятки раз, пока не добивалась нужного.

Ваню Ткачука репетиции захватывали все больше и больше. Он явно симпатизировал пылкому Дамису, по-настоящему начинал ненавидеть Тартюфа, и когда грозился поколотить его, то, забываясь, с неподдельной злостью сжимал кулаки.

Правда, его часто подводила дикция. Порой не находил нужной интонации, декламировал с излишним пафосом или, наоборот, вяло.

— Ткачук, — подозвал его как-то Макаренко. — Ты всю картину играл хорошо, а под конец вдруг спад. Почему? Неужели ты не чувствуешь, что здесь не следует понижать голос?

— Чувствую. Но вот скажу фразу, а потом спохвачусь: ах, здесь бы надо погромче...

Макаренко, усмехнувшись, заметил:

— А ты сначала спохватись, а потом уже произноси...

Спектакль прошел с большим успехом. Женя Семенов (Тартюф) и Митя Терентюк (Оргон) играли бесподобно. Сама Людмила Александровна исполняла роль Эльмиры — жены Оргона. Общая приподнятость захватила и Ткачука. Он чувствовал себя лучше, чем на репетициях, и заслужил похвалу Скопиной.

Макаренко волновался не меньше актеров. Он то и дело появлялся за кулисами, подбадривал, шутил.

— Ну, как Ткачук? — спросил он у Людмилы Александровны, улыбаясь одними глазами. — Не подвел?

— Я удивлена, — задумчиво проговорила Скопина. — Как вы его разглядели среди всех?

...Об этом случае мне при встрече несколько лет тому назад рассказал артист Севастопольского театра Черноморского флота Иван Ксенофонович Ткачук.

Случай со Шведом

Дзержинцы часто бывали в гостях у рабочих харьковских предприятий. Во время летних походов они посещали фабрики и заводы в других городах страны. На этих встречах коммунары выступали с концертами. Бывало, что к ним обращались с приветствием, нужно было сказать ответное слово, а тут-то и получалась заминка: ораторов в коммуне не было.

С приходом в коммуну Саши Шведа это «больное место» было залечено. Швед никогда нас не подводил: на всех торжественных собраниях, при встречах с делегациями он смело выходил на трибуну, принимал красивую позу и говорил так складно, что коммунары потом наперебой выражали свое восхищение.

Иногда Швед «зарывался» и говорил от имени руководства то, чего ему не поручалось. В таких случаях коммунары не давали ему спуска. Но вообще Саша пользовался любовью: человек он был мягкий, веселый, уступчивый.

Антон Семенович к речам Шведа тоже относился с одобрением. Даже призывал других воспитанников развивать в себе ораторские способности. Однако от внимания Макаренко не ускользнуло, что выступления Шведа несколько трафаретны: чувствовалось, что он живет газетным багажом. Антон Семенович попытался втянуть Шведа в разговор об искусстве и литературе, но тот уклонился. Тогда Макаренко сказал ему прямо:

— Избаловали мы тебя вниманием. А ведь ты мало над собой работаешь.

Вскоре один случай подтвердил полностью подозрения Макаренко.

В кабинете Антона Семеновича сидели несколько ребят, в том числе Швед, и негромко разговаривали. Макаренко работал за столом и в беседе участия не принимал. Кто-то из коммунаров вспомнил «Ревизора». Швед спросил, интересная ли это книга.

— Как? — резко приподняв голову, удивился Антон Семенович. — Ты не читал Гоголя? Уходи из моего кабинета! Чтоб и духу твоего не было!

Швед кинулся в библиотеку и раздобыл «Ревизора». На другой же день он пришел к Макаренко:

— А хотите, Антон Семенович, я вам подробно расскажу содержание «Ревизора»?

Макаренко весело согласился:

— Рассказывай.

С первых же слов он убедился, что Швед действительно прочел пьесу. Еще бы, он читал чуть ли не всю ночь...

— Вот теперь хоть есть о чем с тобой поговорить, — сказал Макаренко.

Спустя некоторое время библиотекарь сообщила нам по секрету:

— Антон Семенович несколько раз приходил ко мне. Спрашивал, меняет ли Швед книги.

Когда мы это передали Шведу, он хитро улыбнулся. Он знал, что так и будет, и, чтобы не попасть впросак, менял книги аккуратно. Сначала читал с пятого на десятое, а потом втянулся, полюбил книги по-настоящему, чтение стало для него потребностью. Читал и классиков, и новинки советской и зарубежной литературы, охотно рассказывал о прочитанном ребятам. Его выступления на вечерах стали гораздо ярче и содержательнее.

...Прошло много лет. И вот недавно, когда страна отмечала 75-летие со дня рождения А. С. Макаренко, я прочел в «Правде» статью о воспитаннике Макаренко — Александре Натаповиче Шведе. Я узнал, что Саша пошел по стопам Антона Семеновича, стал педагогом и сейчас работает директором Новосибирского детского приемника.

Наверное, делясь воспоминаниями о коммуне имени Дзержинского, он часто вспоминает, как Макаренко приучил его читать книги.

Хлеб с солью

Годы тридцать второй, тридцать третий...

Они хорошо памятливы людям старшего поколения, Сооружались первые гиганты тяжелой индустрии. Намечался подъем сельского хозяйства. Но в стране еще было голодно. Выдавались по карточкам хлеб, мясо, жиры...

Мы, воспитанники коммуны имени Дзержинского, не знали тогда, и поэтому мне и сейчас трудно сказать каким путем ухитрялся Макаренко сделать так, чтобы в коммуне не чувствовалось ни голода, ни бедности.

Кормили нас по тому времени хорошо. Очевидно, «общий котел» давал возможность из наших необильных пайков все же готовить вкусную и калорийную пищу. Но где и как питался сам Макаренко, мы не знали. В нашей столовой он не ел, из кухни ему на дом пищу не носили, продуктов из нашего склада он не получал. Он даже никогда не снимал пробу. Это входило в обязанность врача. Однако работу кухонного персонала Макаренко всегда держал под своим контролем, строго-настрого приказав им раз и навсегда: «Чтоб у меня никаких усушек-утрусок не было!»

В один из праздников Антон Семенович уступил настоятельным просьбам коммунаров и пришел к нам на обед. Его присутствие за коммунарским столом делало для нас праздничный день еще более значительным и радостным. Но, к нашему удивлению, Макаренко вел себя за столом как-то застенчиво, словно гость, и ел очень мало.

Однажды, готовя какой-то отчет в Киев, Макаренко пробыл за письменным столом неотрывно часов шесть.

Когда закончился ужин, дежурный по кухне Семенцов, или, как принято было называть у нас, «старшая хозяйка» (независимо от того, кто нес это дежурство — мальчик или девочка) зашел в кабинет и спросил:

— Принести вам поужинать, Антон Семенович? А то, я думаю, вы здорово проголодались. Макаренко, не отрываясь от бумаг, ответил: — Спасибо, не хочу.

Но затем, подняв на дежурного усталые глаза, сказал:

— А впрочем, принеси, только знаешь что, кусок хлеба, соль и кружку холодной воды.

— А чаю?

— Я же сказал...

«Старшая хозяйка» принес все, что просил Макаренко.

Антон Семенович отложил в сторону ручку. Густо посолил кусок черного хлеба и стал его есть, запивая водой. Подкрепившись, снова взялся за отчет.

Дежурный еще раз напомнил об ужине.

— Не мешай, — слегка махнул рукой Макаренко, — разве не видишь, человек занят...

Семенцов молча удалился.

О первой любви

Группа старших коммунаров вместе с Антоном Семеновичем после осмотра Краматорского машиностроительного завода отправилась на вокзал. Уже стемнело. Был душный августовский вечер. В ожидании поезда мы сидели на траве и делились впечатлениями. Антон Семенович тоже сидел на траве, затем лег, положив фуражку рядом.

— Вы сняли бы сапоги, — посоветовал кто-то из девочек.

— Зачем, я не устал, — ответил Антон Семенович.

Шура Чевелий разыгрывал Фильку Куслия:

— Ну, расскажи, Филя, как ты в сборочном цехе от табельщицы никуда не хотел отходить. Филька сердился. Это всех очень смешило. А Чевелий наседавал:

— Ты, Филя, не обращай на них внимания. Любовь с первого взгляда — большая штука...

— Расскажите что-нибудь из своей жизни, — просили Антона Семеновича девочки.

— Что же я вам расскажу? Жизнь у меня без приключений... Лучше вы расскажите. Вон Филька пусть расскажет о своей первой любви.

Снова взрыв смеха.

Филька, паренек лет пятнадцати, говорит обиженно:

— Антон Семенович, и вы слушаете Шурку. Это же не человек.

Девушки не унимались:

— Антон Семенович, расскажите о вашей первой любви...

— О первой любви? — переспросил Макаренко, как бы сомневаясь, подходящая ли аудитория для такой темы.

— Расскажите, расскажите, — стали упрашивать уже все.

— Ладно уж. Расскажу... Было мне чуть больше шестнадцати лет, — начал свой рассказ Антон Семенович. — Я уже тогда учительствовал. Одно время давал уроки дочери попа. Помимо уроков мы с ней много беседовали о прочитанных книгах. Я тогда впервые достал Горького. Дал ей. Девушка она была неглупая, года на три старше меня. Несмотря на то что жила в богатой семье, жалела бедных детей. Всегда носила им на станцию хлеб, яблоки. Вместе с ней мы прочитали «Что делать?» Чернышевского.

Меня радовало то, что она, дочь попа, начинала смотреть на окружающую действительность так же, как и я, сын рабочего. Понятно, я в нее влюбился по уши.

Во время занятий с нами в комнате всегда находилась старая-престарая бабка. Монотонно перебирая спицами, она что-то вязала, то и дело с осуждением поглядывая на молодого учителя. Но вскоре я заметил, что старуха плохо видит, и занятия пошли веселее. Мы обменивались многозначительными взглядами и говорили полупапеками.

Я мечтал о том, как мы будем вместе бороться за новую жизнь.

И вдруг все сразу рухнуло. Поп выдал свою дочь за кулацкого сынка.

Злился я тогда на весь мир, места не находил. В день свадьбы решил пойти в церковь, посмотреть. А у меня был старый ржавый револьвер. Я захватил его с собой. Стал у самого входа и думаю: вот возьму и застрелюсь в церкви, пусть знает. Но стрелять в себя раздумал. Решил, выстрелю просто вверх, пусть все всполошатся. Подумал, поглядел по сторонам, махнул рукой и вышел на паперть.

Посмотрел на револьвер: «Пальну в воздух». Поднял руку и нажал курок. Выстрела не последовало. Еще нажал. Осечка. Я разозлился еще больше, размахнулся и забросил револьвер далеко за ограду. Но успокоиться долго не мог. Бродил почти всю ночь. Я тогда многого не понимал, по попову дочку жалел от души. Эта свадьба отрубилась ей раз и навсегда пути к той жизни, о которой мы мечтали, читая Чернышевского и Горького.

А как мне хотелось вырвать ее из мещанского быта! Но силенок не хватило... А могло бы на свете стать одним хорошим человеком больше...

Антон Семенович умолк.

Долго никто не решался нарушить тишину. Только трещали кузнечики и шуршал сухой травой ветерок. Неожиданно Филька спросил Макаренко:

— А какую же надо иметь силу, чтобы не одного, а сотни людей вывести на верную дорогу?

Макаренко, опираясь на локоть, приподнялся и тепло посмотрел на Куслия. Ответил не сразу. Сидел, покусывая стебелек, и, как бы мысля вслух, проговорил:

— Время другое было, Куслий. А теперь у меня столько помощников: вся страна, Горький да ты, Филька!

Марш дзержинцев

Белой кипенью покрылись деревья акаций. В воздухе стоял крепкий медовый аромат. Неподалеку от цветников на широкой садовой скамейке сидели Макаренко и руководитель оркестра Левшаков.

— Виктор Тимофеевич, — говорил Макаренко, — тряхни стариной, напиши марш, такой, чтобы стал нашим коммунарским гимном.

— Ну что ты, ей-богу, Антон Семенович, марш и марш. У меня уже мозги не туда повернуты.

— Если бы у тебя мозги были не туда повернуты, наш оркестр не славился бы на всю область. Потому и веду с тобой разговор, что знаю — можешь.

— Вот человек: ты ему одно, а он свое! — Левшаков нагнулся, сорвал сухой стебелек и стал его нервно разминать пальцами. — Нет. Уволь. Не те годы...

Макаренко покачал головой:

— Лень-матушка... Ну, что ж. Ладно.

Он поднялся и, не торопясь, легкой походкой направился к зданию.

На следующий день чуть свет в кабинете появился Левшаков. Макаренко сидел за столом, занимался своими делами. Он обратил внимание на серое одутловатое лицо вошедшего и в ответ на приветствие только спросил:

— Ты что, заболел?

— Хуже! Всю ночь глаз не сомкнул, — он положил несколько нотных листов на крышку стола, — вот, марш твой придумал.

Макаренко откинулся на спинку кресла и громко рассмеялся:

— А что я говорил? Смог!

— Да ты погоди радоваться, — буркнул Левшаков, — ты раньше послушай. Может, и мелодия никудышная.

Макаренко вышел из-за стола:

— Ну-ну, не прибедряйся. Пойдем в клуб — проиграешь.

Антон Семенович стоял, облокотясь о рояль, и слушал, как Левшаков играл. Чем дальше, тем уверенней и громче становились звуки.

Левшаков, прервав на половине, сказал упавшим голосом:

— Ну и так далее, в том же духе. В общем — ерунда!

— Чудак ты, — сказал Макаренко посмеиваясь, — написал хорошую вещь и сам не веришь.

Левшаков недоверчиво посмотрел в глаза Антону Семеновичу.

— Утешаешь?

— Нет. По правде говоря, я сейчас меньше всего думал об авторе. Я слушал от имени всего коллектива и уверен: коммунаров это обрадует.

Левшаков встал, растроганно пожал руку.

— Ну, спасибо...

А когда выходили из клуба, спросил:

— А ты слова для марша не написал бы?

Антон Семенович, о чем-то задумавшись, ответил рассеянно:

— Я? Куда мне...

И ушел к себе в кабинет.

Прошло два дня. После сыгровки оркестра Макаренко подошел к Левшакову:

— Зайди ко мне, — попросил он, — я что-то покажу. Левшаков пошел за ним молча, не подавая виду, что догадался, зачем его позвал Антон Семенович.

Макаренко взял со стола листок бумаги и подал его Виктору Тимофеевичу.

— Это я по слуху подобрал слова. Поэзии тут не богато, по ритм, думаю, выдержал. Левшаков стал читать текст, вполголоса напевая мелодию и отбивая ногой такт. Потом немного помолчав, сказал с укоризной:

— А говорил — куда мне!

Взяв Левшакова за плечо, Антон Семенович предупредил его:

— Только уговор: музыка твоя, слова коллективные. Вскоре оркестр с присущим ему блеском впервые сыграл новый марш. С того дня исполнение своего марша в дни праздников, на вечерах и в походах вошло в традицию. Коммунарам полюбились и мелодия, и текст. Нередко они пели марш, собравшись в саду или на берегу реки.

Но мало кто знал, что слова этого марша написал Антон Семенович. Даже тогда, когда ноты и текст были напечатаны в книге, выпущенной к пятилетию коммуны, указывался только автор музыки.

Наш Антон Семенович

Это было в начале 1935 года. С утра все в коммуне узнали, что Антон Семенович Макаренко заболел. Его привыкли видеть ежедневно на утренней поверке и во время сдачи вечерних рапортов, он почти всегда находился в своем кабинете за час до подъема и далеко за полночь, после отбоя. Как же будет теперь? Но оказалось, что и те, кому в строгих рамках дисциплины бывало тесновато, теперь подтянулись. В этом как нельзя лучше сказалось глубокое уважение к Макаренко — человеку и воспитателю.

В обеденное время в столовую пришла Галина Стахиевна, жена Антона Семеновича, и успокоила всех. Ночью действительно случился сердечный приступ, но сейчас самочувствие хорошее, нужно несколько дней полежать.

Как только она вышла из столовой, я последовал за ней.

— Галина Стахиевна... Она оглянулась.

— Да, я тебя искала. Антон Семенович просил, чтобы вечером зашел.

У Макаренко не было любимчиков. Ко всем своим воспитанникам он относился с одинаковым уважением и с одинаковой требовательностью. Почему же Галина Стахиевна позвала меня? Наверное, потому, что я был старостой литературного кружка, помогал Антону Семеновичу выпускать сатирическую стенгазету «Резец», и это общее пристрастие к литературе сближало нас.

Наступил вечер. Одним духом я одолел ступеньки, ведущие на второй этаж. Антон Семенович лежал на высоко взбитых подушках, свежесбривший, похудевший. Впервые я увидел его без очков и немало удивился: он показался старше своих лет, проще, мягче. Но в это время Антон Семенович надел очки, и моментально расхотелось вспоминать о его болезни: в глазах его появился знакомый острый блеск и пронизательность. На волевом, умном лице возникла понимающая улыбка:

— Что? Думал, я совсем расклеился? Нет. Просто я дисциплинированный человек, не хочу огорчать врачей.

В эти дни наш литературный кружок готовил рукописный журнал в подарок Максиму Горькому. Макаренко стал расспрашивать, как движется дело, кто и что написал.

Немного помолчав, Антон Семенович спросил:

— Наверное, сплошь стихи?

— Да, один рассказ, остальное стихи.

— Жаль. Но это дело наживное. С годами придет опыт, потянет к прозе...

Он достал из-под подушки томик Пушкина и передал мне:

— Почитай, послушаю...

Я прочел «Деревню», «Медного всадника», «Во глубине сибирских руд», «Пророка», а когда взялся за «Евгения Онегина», Антон Семенович снял очки и, прикрыв глаза, стал вполголоса вторить мне. Я умолк, а он все читал и читал...

— Музыка! — сказал он чуть слышно.

На тумбочке, неподалеку от кровати, лежал том — «Максим Горький». Антон Семенович перехватил мой взгляд:

— Хочу написать: «Горький в моей жизни!» А? Увидел я его совсем недавно, а знал всю жизнь! Не был бы я здесь с вами, да и раньше — в Трепке и в Куряже, если бы не он. Вот как будто взял он меня еще мальчишкой за руку и повел по жизни. И не только меня... Завидная у него судьба!

Я сказал Антону Семеновичу, что все коммунары ждут выхода в свет второй части «Педагогической поэмы».

— Вторую часть я уже закончил, — сказал Макаренко. — С третьей вот задержался. Пять глав только сделано. А тут слег... Все, что я делаю для Вас, это не только ваше. Думаешь, я воспитываю вас потому, что хочу только вам сделать хорошее? Нет. Все ребята нужны нашей

стране воспитанными, развитыми, трудолюбивыми. Я и учу вас быть такими. У меня накопился опыт, и о нем не бесполезно узнать сотням и сотням людей...

В этот вечер передо мной предстало совершенно в новом свете все то, что делал Макаренко. Я понял, что недалек тот день, когда не только коммунары, но тысячи советских людей с гордостью скажут: «Наш Антон Семенович».

Два письма

Я бережно храню два его письма. Одно датировано мартом 1936 года, другое — ноябрем 1937 года. Первое написано простым черным карандашом, второе — вначале чернилами, затем на машинке и окончание снова чернилами...

В 1936 году Антон Семенович в коммуне уже не работал, но бывал часто. В марте он приехал с какой-то комиссией, проводил общее собрание.

Улучив свободную минуту, я показал Макаренко свою тетрадь со стихами. Стихи были в основном на коммунарские темы. Антон Семенович прочел несколько из них. Глаза у него потептели. Он сказал:

— Мне очень будет приятно, если из коммуны выйдет поэт.

Разговор происходил в перерыве собрания. После перерыва Антон Семенович сидел за столом президиума и перелистывал мою тетрадь. Повидать его в этот день больше не удалось. Тетрадь передал мне дежурный, сказав, что Макаренко торопился и не смог со мной поговорить, но обещал свое мнение написать.

Вскоре пришло письмо из Киева:

«Дорогой Зайцев, — писал Антон Семенович, — я тоже очень жалею, что не успел поговорить с тобой. Я в общем скажу: у тебя есть очень много хороших стихов, которые трогают и волнуют, и, наконец, просто нравятся. К сожалению, рядом с прекрасными строками и между ними встречаются слабые, производящие впечатление каких-то временных, поставленных только для того, чтобы обозначать место, может быть, с расчетом потом заменить другими, да так и оставшихся. Это нехорошо не только потому, что рябит впечатление, но главным образом потому, что разрушает стиль и целостность впечатления.

Видно по всему, что над рифмой ты работаешь больше, чем над ритмом, еще меньше — над тематической стороной стихотворения. В лирике особенно важно добиваться ритмики мыслей и чувств, а не только слова. Я жалею, что не взял с собой твою тетрадь, побоялся без твоего разрешения. Но это можно исправить. Давай договоримся. Пришли мне лучшие из твоих последних произведений или новые, я тебе отвечу подробным разбором, в этом деле я кое-что понимаю. Уверен, что помогу тебе. Так будем делать и дальше».

В 1937 году я, уже оставив коммуну, работал на Дальнем Востоке, в Комсомольске-на-Амуре. Стихами увлекался по-прежнему, но писал их почему-то на отвлеченные темы. Старательно переписав два своих стихотворения, я отправил их в Москву Макаренко с просьбой помочь мне напечатать в одном из журналов. Месяца через полтора получил ответ, в котором Антон Семенович писал:

«Дорогой Василий! Прости, что отвечаю на твое письмо с опозданием. Был очень болен, перенес тяжелый грипп с разными осложнениями.

...Что касается твоих стихов, то я готов помогать тебе не только критикой, но и устраивать их в журналы, но для этого необходимо выполнение главного условия: стихи должны быть хорошие. То, что ты мне прислал, — слабо, гораздо слабее твоих прежних стихов.

«Амур» очень неоригинален, кому-то подражает и в стиле, и в рифме, и в размере, а при всем том очень много слабых стихов:

Как жерновами растирал
Амур увесистую гальку —

и сравнение неважное (в какой мере река может быть похожа на жернова?) и эпитет «увесистую» слабый.

...и было все в крови
И небо, и вода.

Это значит закат? По самой теме стихотворения кровь мало подходит, не «работает».

Он плыл и камни оббегал,
Как будто вовсе их не знал.

Ведь как раз наоборот: оббегают тогда, если хорошо знают, но с плохой стороны.

И сама тема: любовь реки к сопке — тема никчемушная, кого она может обрадовать и почему? Нет, это плохо.

Слабо и второе стихотворение.

«Вся в цветах и вся в батисте» — согласишься, что трудно представить, что значит «вся в батисте», неужели и юбка батистовая. И дальше, читатель готов допустить, что этот оригинальный наряд мог вдохновить поэта. Хорошо, пусть себе влюбляется. Но при чем в таком случае страна?

Технически это стихотворение лучше, но тема диковатая и сугубо интимная. Тебе начинать с этого трудно.

Почему бы тебе не написать хорошую поэму о ваших комсомольских людях. Вы там сидите, черт бы вас побрал, и не видите, что у вас под носом самое интересное и самое ценное происходит. Тот, кто его опишет в поэтических словах, и будет поэтом настоящим. Пиши о ваших людях хорошее и плохое, пиши просто, без формалистических загибов, без любви Амура к сопке, без фокусов, но сумей найти в жизни, в лицах, в словах этих людей интересные, новые краски. Вот это и будет поэзия. А я ручаюсь, что если стихи будут хорошие, я их в Москве устрою в печать. Для хорошей вещи это новее не трудно.

Пишу тебе так строго потому, что сам этого просишь. И это для тебя будет полезно. Только ни о том, что ты действительно знаешь, что тебя злит или радует, что тебя трогает».

Такого отзыва о стихах я, конечно, не рассчитывал получить. Стихи мне казались хорошими. Письмо Макаренко открыло глаза на многое. Прочитав горькие для меня слова, я, однако, не ощутил огорчения. Наоборот, увидел, как много горячей, отцовской заботы скрывается за каждой строкой его письма. И еще я почувствовал, что Антон Семенович сильно удручен: ведь я обманул его надежды, и вот теперь ему больно. Больше даже, чем мне.

АНТОНЫ

Почин сделал бывший колонист, в то время уже директор детского дома, Семен Калаба-лин. Он писал Макаренко:

«Родился у меня сын. Мы с Галей, не сговариваясь, одновременно, решили назвать его Антоном. Так, дорогой Антон Семенович, и назвали в честь Вас, Антоном...»

Через несколько лет другой воспитанник колонии имени Горького, врач Вершневу прислал письмо с Дальнего Востока, в котором сообщал:

«Если бы Вы знали, Антон Семенович, какой у меня чудесный сын Антон. Почему Антон, я думаю, Вы догадываетесь...»

— Догадываюсь, догадываюсь, — добродушно посмеивался Антон Семенович, читая это письмо. — И скажи ты на милость, — говорил он жене, — хотя бы имя какое модное. Валерий или Леонид, а то стародавнее: Антоний. Даже неудобно. Подвел я своих хлопцев...

Шли годы, и число Антонов все увеличивалось. Макаренко только руками разводил, но радости своей не скрывал.

Как-то в Москву приехал бывший коммунар-дзержинец (представитель более молодого поколения макаренковских воспитанников) Семен Званцев. Он только недавно закончил строительный институт. С вокзала Званцев позвонил Антону Семеновичу и спросил, можно ли его навестить.

— Может быть, тебе назначить приемные часы? — сердито сказал в ответ Макаренко. — Ты к кому обращаешься, к чужому человеку? Приезжай сейчас же!

Званцев приехал не один, а с двухлетним сынишкой.

Зашел в квартиру возбужденный, счастливый, улыбающийся. Бросился к Антону Семеновичу в объятия. Немного успокоившись, представил сына:

— Вот какой богатырь! А зовут его...

Званцев запнулся и, загадочно посмотрев на Макаренко, перешел на полусшепот:

— Ни за что не угадаете. Антон Семенович, как зовут моего сына.

— А если угадаю? — лукаво прищурился Макаренко.

— Попробуйте.

— И попробую.

Макаренко мельком глянул на малыша, отошел к окну, сделав вид, будто задумался. А за стеклами очков так и поблескивали улыбочивые глаза. Выждав немного, Антон Семенович сказал:

— Антоном ты его назвал.

Званцев от неожиданности даже слов не нашел. Макаренко усадил его рядом с собой на диван, обнял за плечи.

— Хотел Вам сюрприз преподнести и не получилось, — сокрушенно сознался Званцев.

— Как не получилось? Самый настоящий сюрприз. Разве я думал, что ты моим именем своего сына назовешь. Конечно, не думал. Просто я посмотрел на тебя и догадался. У тебя же на лице все как есть написано...

Макаренко посадил маленького Антона на колени и, слегка покачивая, спросил:

— Выходит, ты мой тезка?

Мальчик возразил:

— Я не тезка, я — Антон!

Макаренко рассмеялся.

— Молодец. Вижу, не уронишь нашего имени, — и тут же обратился к Званцеву: — Я, конечно, очень благодарен коммунарам, что они меня помнят и даже сыновей Антонами называют, но дело не в этом. С любым именем дети моих воспитанников мне близки и дороги. Они же, можно сказать, внуками мне доводятся. — И, немного приподняв перед собой мальчика,

заметил: — Самый лучший подарок для меня будет, если ты его воспитаешь полезным человеком для Родины. Большого от тебя я не требую.

Содержание

«Поэтический беспорядок»	5
Без портрета	7
Андрей Гальченко	8
«Евгений Онегин»	9
В полную меру сил	12
Преподаватель химии	13
Регламент	15
В трамвае	16
Хорошие манеры	17
Ночной сеанс	19
Восьмое марта	21
Стакан вина	22
Приказ о Качаеве	23
Голос коллектива	24
Сто окурков	26
Открытие таланта	27
Случай со Шведом	29
Хлеб с солью	30
О первой любви	31
Марш дзержинцев	33
Наш Антон Семенович	35
Два письма	37
Антоны	39

Василий Григорьевич Зайцев

РАССКАЗЫ О МАКАРЕНКО

Редактор А. Б. Тимофеев, художник А. Б. Бобров, художественный редактор А. З. Маркелов,
технический редактор А. Ф. Сергеев, корректор З. М. Лазько.

Сдано в набор 19/IX 1973 г. Подписано к печати 30/I 1974 г. Бумага типографская № 1.

Формат бумаги 70×108/32. Уел. печ. л. 3,15. Уч.-изд. л. 2,42.

Заказ 6939. Тираж 15000 экз. ПН 00096. Цена 8 коп.

Мурманское книжное издательство, г. Мурманск, Дом печати
Мурманская областная типография, г. Мурманск, ул. К. Маркса, 18